

Николай ПАНЧЕНКО

БАЛЛАДА О РАССТРЕЛЯННОМ СЕРДЦЕ

Я сотни верствойной протопал.
С винтовкой пил, с винтовкой спал.
Спусти курок, и пуля — в штюпор,
И кто-то замерто упал.
А я тряхну кудрявым чубом,
Иду, подковками звена,
И так владею этим чудом,
Что нет управы на меня.
Лежат фашисты в поле чистом,
Торчат крестами на восток.
Иду на запад по фашистам,
Как танк, железен и жесток.
На них — кресты и тень Христа.
На мне — ни бога, ни креста!
«Убей его!» — и убиваю,
Хожу, подковками звена,
Я знаю: сердце убываю.
И вот — нет сердца у меня...
А пули дулом сердце ищут,
А пули-дуры свищут, свищут...
Ах, где найду его потом я,
Исполнить воинский обет?
В моих подсумках и котомках
Для сердца места даже нет.
Куплю плацкарт и скорым — к маме,
К какой-нибудь несчастной Мане,
К вдове, к обманутой жене:
— Подайте сердца! Мне хоть малость! —
Ударюсь лбом, но скажут мне:
— Оно — с твоим, под Стрыем, в Истре,
На польских шляхах рой песок:
На свист свинца — в свой каждый выстрел
Ты сердца вкладывал кусок.
Ты растерял его, солдат.
Ты расстрелял его, солдат.
И так владел ты этим чудом,
Что выдюжил, повергнув рать!..
Я долго, долго буду чуждым
Ходить и сердце собирать.
— Подайте сердца инвалиду!
Я землю спас, отвел беду! —
Я с просьбой этой, как с молитвой,
Живым распятием иду.
— Подайте сердца! — стукну в сенцы.
— Подайте сердца! — крикну в дверь.
— Поймите, человек без сердца
Куда страшней, чем лютый зверь.
Меня «Мосторг» переоденет,
И где-то денег даст кассир.
Большой и загнанный, как Демон,
В пустынности избытка сил.
Я буду кем-то успокоен:
— Какой уж есть, таким живи!... —
И будет много шатких коек
Скрипеть под шаткостью любви.
И, верно, в чьей-нибудь квартире
Мне скажут: — Милый, нет чудес!
В скромном послевоенном мире
Всем сердца выдано в обрез.

Павел ПЕТРОВ

СТАРУХИ

Целуют в губы маленьких ягнят
Суровые, высокие старухи.
В деревне их боятся, как огня.
Они все время кажутся не в духе.
У них сыны убиты и мужья.
С тех пор старухи заперли ворота,
И не выносят запаха ружья,
Не могут слышать гула самолета.
Они с травой и лесом говорят,
И как своих кровиночек-детишек
Целуют в губы маленьких ягнят,
И всех соседских нянчат ребятишек.

БЕРЕЗА

Когда я родился, наверно,
Ты, белая, с крепкой корой,
Самим старожилам деревни
Казалась уже вековой.
Нестарые избы старели,
Но крепла людская молва,
Что ты нас хранишь от метелей,
От бурь, что над миром свистели,
И вечно ты будешь жива.
И если незрячий и грубый
К тебе подойдет с топором,
Придем и до первых зарубин
Тяжелый топор отберем.
И будем судить святотатца,
Душою его сторонясь.
И будет навеки считаться,
Что он замахнулся на нас.

Олег ДМИТРИЕВ

СОВРЕМЕНИНИКУ ВИЙОНА

Что слышал ты о Франсуа Виньоне?
Он — сутенер, обманщик, вор в законе:
Обчистил церковь, избежал погони,
Учил дурному глупых школяров,
В пороке млев, как косточка в бульоне...
О, ты не зря к Вийону был суров!
Еще не все. Он заколол монаха,
Иксил на дыбе — только бы не плака! —
Рыдая, падал в ноги пальчу,
Кутил, не отряхнув одежду от праха...
О, как ты прав: «С ним зваться не хочу!». —
Еще он сочинял стишки срамные,
Их расплевали пьяницы смурные,
(А то, что за творения иные
Он герцогом был щедро награжден,
Не обелило дни его шальные...) —
Ты прав: ужасен Франсуа Виньон!
Но божий суд настиг бродягу скоро:
Его казнили после приговора —
Повис в петле, не избежал позора!
(Вот слух другой: что негодяй Вийон
Был ночью принят за другого вора
И умерщвлен такими же, как он).
И все же мир толкует о Вийоне —
Не о тебе, не о твоей персоне,
Забывшейся о хорошем тоне, —
От этого сойдешь ведь, брат, с ума!
Кого ж теперь винить в таком уроне?
Себя? Весь мир? Беднягу Франсуа?